Научная статья

УДК 159.98

doi: 10.31079/1992-2868-2021-18-4-31-38

МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В КОНТЕКСТЕ САМОПОНИМАНИЯ СЧАСТЬЯ

Клариса Ивановна Воробьева¹, Ирина Юрьевна Изотова²

^{1,2}Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹klarisav2011@mail.ru

²izo27@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования места категории «материальное благополучие» в имплицитной структуре концепта «счастье» и самопонимании человека себя счастливым с помощью нарративного анализа и ассоциативного эксперимента. Полученные эмпирические данные позволяют утверждать, что для респондентов, участвовавших в эксперименте, материальный достаток не играет существенной роли как в переживаниях состояния счастья, так и в самопонимании себя счастливым.

Ключевые слова: счастье, материальное благополучие, самопонимание, конструирование смысла, нарративное интервью, ассоциативный эксперимент

Original article

MATERIAL WELL-BEING IN THE CONTEXT OF SELF-UNDERSTANDING OF HAPPINESS

Klarisa I. Vorobieva¹, Irina Yu. Izotova²

^{1,2}Pacific State University, Khabarovsk, Russia

¹klarisav2011@mail.ru

²izo27@mail.ru

Abstract. The article presents the results of the study of the place of the category "material well-being" in the implicit structure of the concept of "happiness" and self-understanding of a person being happy with the help of narrative analysis and associative experiment. The obtained empirical data allow us to assert that for the respondents who participated in the experiment, material wealth does not play a significant role, both in the experience of a state of happiness and in the self-understanding of being happy.

Keywords: happiness, material well-being, self-understanding, construction of meaning, narrative interview, associative experiment

Введение

Представление о себе как счастливым человеке зависит от множества факторов, одним из которых является материальное благополучие. Действительно ли известная формула «не в деньгах счастье» противоречит бытующему в обыденном сознании убеждению, что жизненную основу счастья составляет материальный достаток? Изменилось ли отношение человека к деньгам в контексте счастливой жизни в современных сложных социально-экономических условиях? Анализ социологических опросов и материалов о представлениях людей о том, что им необходимо, чтобы быть счастливыми, показывает, что материальный достаток не играет существенной роли как в переживаниях состояния счастья, так и в представлениях о нем. М. Аргайл отмечает, что деньги в целом не приносят счастья. Более того, высокий доход может порождать трудности, которые снижают его общее положительное влияние на счастье, так как могут быть связаны с хроническим стрессом, повышенной ответственностью и т.п. Исследования Динера и соавторов также показывают, что влияние дохода велико лишь

при относительно низком уровне благосостояния: как только удовлетворены основные потребности, влияние дохода резко падает [4: с. 79–92].

Цель нашего исследования – выявление места категории «материальное благополучие» в имплицитной структуре концепта «счастье» и самопонимании человека себя счастливым.

Объект исследования – самопонимание счастья.

Предмет исследования – категория «материальное благополучие» в имплицитной структуре концепта «счастье» и самопонимании человека себя счастливым.

Методологические подходы к изучению концепта «счастье» в психологических исследованиях. Счастье – одна из вечных тем гуманитарного знания, однако предметом научного психологического и тем более экспериментального исследования оно становится только в конце XX в. Первоначально счастье человека связывается в рамках психодинамического подхода с приспособительными формами поведения, которые предполагают надежность, уравновешенность, адаптацию к обществу.

Критикуя идею приспособления, сторонники гуманистического подхода в психологии рассматривают счастье и психологическое благополучие как процесс развития человеком своего потенциала и его реализации в этом мире. При этом подчеркивается, что «модель самореализации определяет высшую форму жизни скорее на основе выхода за рамки общества, а не приспособления к нему» [2: с. 165]. В конце 1990-х гг., в рамках позитивной психологии (М. Аргайл, М. Селигман, Дж. Вейланат, Э. Динер, М. Чиксентмихайли, К. Рифф и др.) счастье понимается как субъективное благополучие, предполагающее высокий уровень удовлетворенности жизнью и позитивных эмоций и, напротив, низкий уровень негативных настроений. Такой подход обнаруживает, по мнению Н.В. Гришиной, тенденцию к гедонистическому решению проблемы психологического благополучия.

Особый взгляд на проблему счастья и субъективного благополучия высказывают представители экзистенциальной психологии. В. Франкл, критикуя точку зрения представителей гуманистического подхода, отмечает, что самоактуализация – это своего рода диалог человека с самим собой, который «замыкает» человека на его внутреннем мире, а речь должна идти о диалоге человека с миром жизни. Для обозначения экзистенциального понимания психологического благополучия В. Франкл использовал понятие экзистенциальной исполненности, которое описывает особое качество жизни, связанное с полнотой реализации человеком своего потенциала и бытия. «Психологическое благополучие человека определяется его открытостью экзистенциальным проблемам своего существования, способностью к интеграции всех сторон жизни, в том числе и причиняющих боль и страдание, и полноте их проживания» [1: с. 17]. Анализируя теорию А. Лэнгле, Н.В. Гришина отмечает, что экзистенциальная исполненность декларируется как альтернатива гедонистическому подходу к пониманию счастья как позитивного состояния, хорошего самочувствия и свободы от негативных чувств и переживаний. Предполагается, что она скорее отражает эвдемонический подход к счастью, берущий свое начало в идеях «благой жизни» Аристотеля.

Методы исследования. Для выявления роли материального благополучия в самопонимании счастья авторами статьи были использованы:

– ассоциативный эксперимент, который позволил выявить основные категории, определяющие имплицитную структуру концепта «счастье» в групповом сознании испытуемых (80 человек). В качестве стимула в ассоциативном эксперименте было предъявлено понятие «счастье». Результаты ассоциативного эксперимента были обработаны методом контент-анализа. В качестве единиц ана-

лиза выступали слова-ассоциации, которые были сгруппированы в основные категории анализа, такие как: субъект счастья; объект счастья; образ счастья; внутренние признаки счастья; внешние признаки счастья. Общее количество ассоциаций составило 939, в среднем по 12 от каждого респондента;

– нарративное интервью, которое позволяет проанализировать смысловое поле концепта «счастье» в индивидуальном сознании респондента и определить место и значение материального благополучия в самопонимании нарратором собственного счастья. Человек достигает самопонимания через нарратив, выделяя в жизненном потоке определенные моменты, обладающие для него смыслом и оценочным значением, конструируя и поддерживая через истории (нарративы) свою идентичность. Респонденты конструируют нарративы, рассказывая о таких конкретных событиях своей жизни, где был разрыв между реальным и идеальным, между «Я» рассказчика и обществом. Рассказ рождается из потребности осознать, проговорить свой опыт разрыва и объяснить в первую очередь для себя свой опыт бытия, отличный от других. Язык в нарративном подходе понимается не как инструмент для передачи истины, но как способ и условие конструирования смысла. Рассказывая ту или иную историю, человек конструирует истину на месте, возникает истина личного нарратива, субъективная форма рассказа делает их уникальным материалом для понимания внутреннего мира респондента. При этом происходит проникновение самого нарратора в свой внутренний мир как бы со стороны. По мнению Мамардашвили, «текст, то есть составление какой-то воображаемой структуры, является единственным средством распутывания опыта; когда мы начинаем что-то понимать в своей жизни, и она приобретает какой-то контур в зависимости от участия текста в ней» [3: с. 6]. Новая смысловая структура неизбежно ведет к перестройке личности, таким образом осознание смысловых связей посредством конструирования нарратива серьезно трансформирует я-в-мире рассказчика» [3: с. 6].

По мнению В. Франкла, смысл доступен любому человеку, независимо от происхождения, возраста, образования, пола, опыта и т.д. Однако, возможно, единственным условием завершения процесса смыслообразования является владение языком и языковыми культурными практиками. Подчеркнутое В. Франклом условие предъявляет определенные требования к использованию нарративного интервью в качестве научного метода: профессиональную компетентность психолога как в плане организации и проведения нарративного интервью, так и интерпретации полученных материалов; нарративную компетентность респондента (т.е. способность нарратора к рассказыванию) и достаточный уровень его

личностной зрелости. Названные выше условия нашли отражение в выборе нарротатора и нарратора для проведения нарративного интервью.

Результаты сбора эмпирических данных и их интерпретация

Результаты ассоциативного эксперимента. Методы обработки информации: контент-анализ, математические методы статистической обработки данных: среднее статистическое значение, количественная и качественная обработка, сравнительный и частотный анализ (таблица).

Таблица

Категориальное пространство, отражающее представление респондентов о счастье

Наименование категории	Кол-во ассоциаций	Вклад в массиве ассоциаций, %
Субъект счастья	151	16,1
Объект счастья	164	17,5
Образ счастья	240	25,6
Внутренние признаки счастья	268	28,5
Внешние признаки счастья	116	12,4

Перечислим две лидирующие позиции с наибольшим числом ассоциаций и процент вклада в массиве ассоциаций по каждой категории.

1. Субъекты счастья: люди, связанные семейным родством (дети, мама, муж, жена, дочь, сестра, родители, семья) – 62,9; люди, не имеющие семейных связей, но находящиеся с испытуемым в близких, дружественных отношениях (близкие, свои люди, друзья) – 21,9.

2. Объекты счастья: природные объекты (море, природа, солнце, радуга, цветы, закат, водопад, воздух, дождь и др.) – 51,8; социальные объекты (деньги, машина, архитектура, парфюм, подарки, праздник и др.) – 23,2.

3. Образ счастья: условия, необходимые для счастья (здоровье, здоровье близких, духовность, возможность чувственного познания) – 51,3.

4. Внутренние признаки счастья: спокойствие (отсутствие переживаний, любовь к себе, гармония, наполненность, умиротворение, доверие, баланс с телом и мыслями) – 35,5; любовь (любить и быть любимым, слабость, чувства, эмоции, хорошее настроение и др.) – 28,1.

5. Внешние признаки счастья: комфорт (тепло, тишина, красота, стабильность, мир, красивое тело, чистота и др.) – 38,8; внешнее благополучие (благополучие, признание, безопасность, благодарность, защита, взаимопонимание, поддержка и др.) – 23,3.

Дескрипторы, вошедшие в каждую из пяти категорий (939), использовались для выявления в тексте нарративного интервью доминирующих категорий счастья. Как показал анализ результатов ассоциативного эксперимента, объекты, связанные респондентами с материальным благополучием,

занимают незначительное место в ряду факторов, способствующих счастью (23,2 %). В тексте нарративного интервью, взятого нами для анализа, материальное благополучие как составляющая представлений респондента о собственном счастье обозначается через дескрипторы «деньги», «квартира», «одежда» и занимает в ряду факторов, способствующих счастью, незначительное место.

Нарративное интервью. Нарративное интервью, использованное в настоящем исследовании, состоит из трех частей: рассказа о значимых эпизодах детства, юности, взрослой жизни; рассказа о самых счастливых эпизодах жизни; размышления по поводу вопроса нарротатора «Что такое счастье в Вашем понимании?»

Задачей **первого этапа** нарративного анализа интервью является составление биограммы респондента, т.е. выявление экспертами (психолог, лингвист и педагог) событийной канвы жизненного опыта на основе первичного анализ трех частей интервью и предварительное определение идентичности респондентки в контексте самопонимания себя счастливой.

Респондентка С., 48 лет. Отец был моряком дальнего плавания. Редко виделся с дочерью. Привозил дочери из зарубежных командировок красивую одежду. Мать с дочерью жили в бараке. Мать работала. Всегда была уставшая, каждый поступок девочки вызывал у нее раздражение. Девочка часто и долго болела. Респондент отмечает, что, по рассказам матери, она всегда плакала, что вызывало постоянное недовольство матери. В 1,5 года мать отдала дочь в ясли. Девочка помнит, что она пришла в красивом платье, которое привез отец. Она чувствовала себя в этом платье красивой, что было для нее очень важно. В школьные годы семья нарратора сменила место жительства, получив однокомнатную квартиру. Пошла в новую школу, открывшуюся в новом жилом районе. В новой школе долго избивала одноклассницу при общем одобрении учеников класса. Чувствовала себя героем, «выше всех», «заметной персоной». Пострадавшая пожаловалась родителям. Рассказчица была вынуждена извиниться перед одноклассницей в присутствии класса. Извинение нарратор восприняла как свое поражение. Ученики класса отвернулись от нее, что было воспринято испытуемой как предательство. Затем ей удалось наладить отношения как с одноклассницей, так и с учениками класса. В 15–16 лет свободное время проводила в компаниях «трудных» подростков. При этом дружила как с успешными, так и с неуспешными учениками своего класса. Отмечается внимание к собственной внешности: старалась выглядеть красиво. Когда респондентке исполнилось 15 лет, отец был списан на берег и находился дома. В это время в семье по-

явился второй ребенок, что вызвало агрессию со стороны респондентки. Старалась причинить маленькому брату боль. Однажды забыла забрать брата из детского сада. Отец принялся за воспитание дочери, наказывал «ремнем» при поддержке матери, что испытываемая восприняла как предательство со стороны отца. Отец обвинял мать в плохом воспитании девочки, но рассказчице не было ее жалко. В детстве у отца была шутка: «давай поменяем маму». Девочка всегда реагировала согласием.

В повествование о взрослой жизни респондентки включает рассказы: о рождении дочери, расставании со вторым мужем, собственной квартире, где ей очень комфортно; кратко упоминает о «трудном периоде жизни», который длился 2,5 года (реабилитация от наркотической зависимости). В настоящий момент не работает. Живет на деньги родителей. Живет одна. Имеет взрослых сына и дочь, которые живут самостоятельно. Общительна. Внешне привлекательна.

По мнению экспертов, событийная канва жизненного опыта респондентки позволяет предварительно определить ее идентичность как «я красивая, активная женщина, преодолевающая последствия материнской депривации».

Второй этап обработки полученного материала посвящен открытому кодированию текста по схеме Б. Глейзера и А. Страусса. Текст интервью разделен на секвенции (нарративные единицы, связанные одним смыслом) и коды, т.е. умозаключения респондента или аргументация с учетом того, что кода всегда привязана к настоящему времени. Разделение текста на секвенции и коды позволило выявить основные темы рассказа респондентки. При кодировании нарративные единицы обозначены начальной буквой нарратора (И) и нарратора (С). Все секвенции и коды пронумерованы по порядку: И1, И2 и т.д.; С1, С2, К1, К2 и т.д. В секвенциях и кодах выделяются ключевые категории (в тексте обозначены курсивом), которые определяют значимые для нарратора темы. Паузы и заминки обозначаются многоточием.

Интерпретация текста интервью. Анализ содержания секвенций и код позволил экспертам выделить в рассказе следующие темы (приводятся по порядку изложения рассказа): «Представление о себе красивой» (тема 1), «Негативное отношение матери к дочери» (тема 2), «Стремление к независимости и славе» (тема 3), «Поражение как жизненный урок» (тема 4), «Ревность к брату» (тема 5), «Конфликт с родителями» (тема 6), «Рождение ребенка» (тема 7), «Комфорт и уют. Свобода и спокойствие» (тема 8), «Размышление о счастье» (тема 9).

Ниже приводится текст интервью (в сокращении) и его интерпретация.

Часть 1. И1: «Мы сегодня поговорим о счастье в вашей жизни, о том, считаете ли вы себя счастли-

вой. Сначала расскажите о самых ярких событиях вашего детства, вашей юности и взрослой жизни».

К1: «Хорошо. Не знаю, почему-то, когда о детстве думаю, мне почему-то плакать всегда хочется, не знаю почему... Как-будто вот *несчастье*, ну вот...как будто там больше всего *больно* как будто...вот так вот. Хотя было очень много *счастливых моментов* ааа...».

Отвечая на первый вопрос экспериментатора, нарратор сразу же озвучивает обобщающее умозаключение, что можно объяснить установкой на разговор о счастье. В ответе отсутствует слово «счастье». Ключевые слова «несчастье» и «больно» респондент относит к воспоминаниям о детстве. При этом словом «хотя» подчеркивает неоднозначность своего вывода, констатирует, что в детстве «было очень много счастливых моментов». Следующее восклицание «ааа...» связано с попыткой вспомнить эти моменты и с переживанием неувимости для себя этих эмоциональных состояний и размытости их границ, трудностью их осмысления. О сомнении в обозначении свидетельствует многократное повторение «как будто», паузы при подборе слов. При нахождении подходящего слова для обозначения мысли звучит утверждение «вот».

Тема 1. Представление о себе красивой.

С1: «...когда меня мама в ясли отдала, я помню *платье*, я достаточно хорошо это помню, вот ... хотя мне там было ..., ну года полтора, наверное, вот ...там было *платье* вязаное, для меня это было... это *papa* привозил мне из Японии что ли ...Оно было малиновое вязаное *платье*, с какими-то пупырышками, цветочками, тоже вязаные».

К2: «... я, наверное, ... я, наверное, только туда пошла из-за этого *платья*, ... потому что я была *красивая*».

Ключевые слова этой темы, по мнению экспертов, «платье», «папа», «красивая». Быть красивой для нарратора настолько значимо, что становится определяющим в согласии идти в детский сад (К2). Ключевому слову «красивая» предшествуют «платье» и «папа», т.е. эти слова раскрывают важные для нарратора условия ее красоты. Нарушение хронологии событий: «это *papa* привозил мне из Японии», возврат к более раннему событию подчеркивают значимость фигуры отца. Таким образом, красивая одежда является важной составляющей представлений респондента о себе счастливой в детстве. При этом возможность быть красивой предоставлена отцом, что является для нее существенным моментом. Платье не просто красивое. Оно привезено из Японии, что в представлениях респондента является признаком исключительности.

Тема 2. Негативное отношение матери к дочери.

С2: «... мама говорила, что ...я постоянно *плакала*, постоянно была, она говорила, что рот у меня никогда не закрывался, вот...».

К3: «Это обычная ситуация, блин, если я что-то делаю, блин, я *всегда делаю плохо*. Ну как бы и тогда, я как бы понимаю, что я *есть*. Ну так».

С3: «Мама *постоянно ... меня ругала*».

С4: «На самом деле, это у мамы рот не закрывался, я чтобы ни делала, я всегда делала, ..., как бы *мешалась ...* мама приходит с работы усталая, я какую-то ..., ну... дров накидала в топку или заболела. Это вообще была проблема, то что я очень *часто болела*, я переболела всеми болезнями, которые существовали вообще в детстве. ...ветрянка, скарлатина, краснуха, ну там все, все, все, и *мама всегда называла меня "не понос, так золотуха", "рвотный порошок"*».

К5: «это вот, ну для меня это *обычное название меня...* вот ... ну соответственно идешь по жизни и это *нормальное состояние...* не важно какими делами я *прославилась*, ну как бы здесь получается, у меня все получается *плохими делами*, но *слава* какая-то она присутствует, вот».

Приведенный выше отрывок интервью является типичным примером процесса деформации представлений ребенка о нормативном поведении под влиянием материнской депривации, при отсутствии позитивных оценок и поддержки со стороны матери. Рассказ об отношениях с матерью отличается высоким эмоциональным напряжением, тревожной интонацией, наблюдаются частые паузы, заминки.

Ключевые слова и словосочетания «плакала», «я всегда делаю плохо», «мешалась», «часто болела», «мама всегда меня называла», «обычное мое название» (оскорбительные) приводят респондентку в детстве к выводу, что не важно, что ты делаешь, важно вызвать внимание. Если есть внимание, следовательно, «я есть». И это ощущение себя является для респондентки важным. Следует отметить, что названное умозаключение (К5) оформлено грамматически в настоящем времени, что свидетельствует о том, что сделанный в детстве вывод является актуальным и во взрослой жизни рассказчицы.

Тема 3. Стремление к независимости, быть заметной.

С5: «В садике у меня было два мальчика, которые мне нравились и которым нравилась я... Один мне мальчик очень нравился, а второй типа должен быть. Почему-то это вот так вот ... я так чувствовала себя увереннее, *выше всех...* В садике меня ругают...».

К6: «я как бы *заметная персона*, всегда, для меня это обычно...Нет, я, наверное, делаюсь *заметной*, чтоб меня ругали, ну как-то вот так, тогда я становлюсь *заметной*, меня ругают, и я такая ну ... типа в *сопротивление* со всем что ли ...Это обычная ситуация, если я что-то делаю, я всегда делаю плохо. Ну и тогда я как бы понимаю, что я *есть*. Ну так».

Ключевые слова и словосочетания «выше всех», «заметная персона», «сопротивление» раскрывают

важное для нарратора качество – стремление к независимости. Для нее быть заметной и сопротивляться всему означает, что «я есть». В коде (К6) глаголы «ругают», «делаю», «понимаю», использованные в настоящем времени, и словосочетания «обычная ситуация», «всегда делаю», «что-то делаю» говорят об актуальности и значимости для нарратора состояния сопротивления и стремления к независимости. В коде 6 твердо звучит «я есть» с утвердительным «Ну так», что позволяет предположить важность осознания самой себя и своего Я в этом мире для рассказчицы.

Тема 4. Поражение как жизненный урок.

С6: «...была школа... я начала бить девочку одну... Была я ее достаточно долго... ну и была такой *знаменитостью...* меня поддерживал весь класс, я себя таким *героем* чувствовала, а потом она... осмелилась и рассказала родителями, ну и мне пришлось *извиниться* перед всем классом. Пришлось *извиниться*, я очень не хотела, это считалось *мое поражение*, *извиниться* для меня было *поражение*».

С7: «Я никогда *не извинялась*, вот. У меня достаточно была хорошая поддержка от папы всегда, ну против мамы... вот».

С8: «Ну и все, я *извинилась* и ... против меня восстал весь класс, и у нас у девочки был день рождения, весь класс пригласили, а меня *не пригласили*. Меня *не пригласили*. Я сидела дома и думаю ..., пойду схожу, сама пошла, мне *было очень страшно...* я пришла, и я слышала вот это ... Я позвонила в дверь, кто-то подошел, посмотрел в глазок ... и я слышу вот это "тихо, тихо, тихо, как-будто нас дома нет...", мне вообще стало...мне, наверное, было очень *страшно*, что будет завтра. Я на следующий день в школу не хотела идти, это для меня вообще было *унижение* такое...».

К7: «Это настолько мне было *больно*, настолько это было *предательство* какое-то, ну такое, *предательство* всех вокруг. И тех, кто со мной дружил до этого... Вот ... и все, я как-то ... смазало меня... Не помню, как это все сложилось, как-то тихо, спокойно...».

С9: «Я потом дружила с отличницами, ну как-то вот все мальчишки там .. были лучшие в школе, да... я вот была трошница, ...у меня подружки были отличницами, но при этом у меня мальчики были не хуже, чем у них, скажем так».

К8: «...для меня это было важно, я не хотела быть где-то, я хотела *быть* ну *...всегда на высоте...* *быть заметной*, *быть...* ну, я не знаю, как это сейчас говорится, *быть частью чего-то*, вот».

Рассказ о поражении отличается высоким уровнем эмоциональной насыщенности. Анализ основных категорий темы показывает, что реализация любой ценой стремления «чувствовать себя выше всех», «героем», «знаменитостью» переосмыслива-

ется нарратором через пережитые им «боль», «унижение», «страх», «предательство». В коде K8 хорошо отражается динамика процесса самопонимания. Результатом переосмысления жизненного урока, полученного в детстве, становится сделанный в конце повествования вывод: быть всегда на высоте, быть заметной – это «быть частью чего-то».

Часть 2. И3: «Расскажите о тех моментах, где вы были максимально счастливы. Какое это было время, какое это было место, что там происходило, что вам больше всего запомнилось.»

Тема 7. Рождение ребенка.

C15: «...Я родила ребенка, второго, мне было 26 лет, это почему то, тогда, почему-то у меня было ощущение – вот оно *счастье*. Когда я лежала в палате... я уже родила, я лежала в палате... все какие-то в голове мысли. Нет, у меня, наверное, мыслей никаких, наверное, не было... будущее, прошлое... ну было только, наверное, *настоящее*, потому что я ее увидела, я родила ее, увидела... Это была девочка, я ее хотела... вот... я не могла всю ночь уснуть... *меня больше ничего не волновало*».

K12: «Трудностей было очень много с родителями, потому что родители хотели, чтоб я сделала аборт. Муж был debil. Ну для меня по крайней мере, на тот момент не отвечал требованиям моим...».

C16: «Но в тот момент я вообще *все отпустила*... Мне ничего, вообще *ничего не было важно*... Ну *только вот ребенок*... Мне было абсолютно *все равно*. *Легкость, радость*...».

Ключевые слова и словосочетания «счастье», «я родила ребенка», «настоящее», «я ее увидела, я родила ее, увидела», «меня больше ничего не волновало», «все отпустила», «ничего не было важно... только вот ребенок...», «мне было абсолютно все равно», «легкость, радость...» раскрывают содержание концепта «счастье» в самопонимании нарратора. Рождение дочери, отпустить прошлое и почувствовать миг настоящего – легкость и радость. Следует отметить, что в этом отрывке интервью чаще, чем в предыдущих, нарратор использует активный залог: «я родила», «я увидела», «я отпустила» и вот «легкость, радость», что можно истолковать как самопонимание нарратором себя как творца счастливого момента.

Часть 3. Тема 9. «Размышления о счастье».

По мнению экспертов, анализ ключевых слов в теме 9 позволяет определить в рассказе основные ассоциации, связанные с самопониманием нарратором собственного счастья.

Ассоциации перечислены в порядке их называния в рассказе: счастье-боль, счастье-жить, счастье-квартира, счастье-общение, счастье-быть собой, счастье-деньги, счастье-свобода выбора, счастье-Я-сама и Я-целое. Проиллюстрируем отрывками из интервью каждую из перечисленных ассоциаций.

И5: «Что такое счастье? Как вы представляете счастье?»

Счастье-боль: «Ой..., я могу сказать, что сейчас я нахожусь в таком состоянии, наверное, да не наверное, а даже ... я просто не знаю, что такое счастье». У меня все счастливые моменты какие-то ... с какой-то *болью* связаны».

Счастье-жить: «Я могу проснуться с утра и мне кажется, что слишком несчастлива ... если брать там набор ... *я одна*, ну вот такой бытовой набор... *я одна*, тишина в квартире, что-то такое, при этом я могу... посмотреть вокруг и сказать, Света *ты живешь!*...».

Счастье-квартира: «*Квартира*, цвет квартиры, ну, да... всегда что ты хотела, ну как бы что ... к чему вот это, все стала и пошла.»

Счастье-общение: «Счастлива от того, что, наверное, *поменялся круг общения* у меня, как бы основательно так. Небо и земля, можно сказать. *Я комфортна в этом общении*».

Счастье-быть собой: «У меня очень разные люди, с которыми я *общаюсь*, и я *могу с ними по-разному общаться*... Счастлива от того, что я *могу говорить о себе* в том плане что ... что если мне что-то не нравится и когда мне что-то нравится. Я *могу озвучивать* сейчас, например, я *могу* человеку сказать, что я что-то не знаю... Счастлива, наверное, от того, что я *учусь расставаться с людьми* ... спокойно ... спокойно расставаться, ... Я для всех хочу быть хорошей. Сейчас мне *не надо быть для всех хорошей*, и тоже от этого счастлива, вот...».

Счастье-деньги. И6: «А что для счастья Вам нужно?».

C: «Много *денег*. Ну потому что я чувствую, как я проваливаюсь ... есть *деньги*, все складывается хорошо, и я как бы чувствую по состоянию, я *уверенная*, я ...просто уверенная, а мне уверенности достаточно для того, чтоб идти вперед... вот.

K: ...потому что, когда нет *денег*... Когда не было *денег*, ну это было очень большое несчастье для меня... Наверное, даже, во-первых, мое состояние, а во-вторых, мои отношения были построены на *деньгах*. У меня нет *денег*, мне казалось, что я... никому не нужна. Потому что я сама строила такие отношения, я *покупала людей*, вот, и для меня это было достаточно важным. Ну я их ... я их *покупала*, чтобы они были в зависимости от меня, потому что у меня есть *деньги*. И когда у меня не было *денег*, мне казалось, что все ... мой мир построенный рушится».

Счастье-свобода выбора: И7 «А есть, как считаете, в работе счастье?»

C: «В любимой работе ... когда ты делаешь то, что тебе нравится, я думаю, что это ... это приносит счастье. Ну, потому что занимаешься любимым делом и это тебя не тяготит...Здесь вопрос вообще,

а что у меня любимое, какое у меня любимое дело? И это главный, наверное, *тупик*, который вообще в моей жизни. ...У меня не было задачи себя найти в чем-то. Я не знала, что это. Я никогда об этом не думала, у меня всегда были ... у меня задач никаких не было в жизни. У меня были родители, папа финансово, мама прокладывает путь... иди туда, делай то, иди се, вот. ...Я сейчас вот подумала... и вот самое большое мое счастье, наверное, которое мне дает вообще уверенность, уверенность и какую-то *свободу... свобода выбора*. Что я знала вообще о том, что у меня есть свобода выбора, делать или не делать, хотеть или не хотеть, делать или не делать вообще».

Счастье-Я сама и Я целое: «Вот это вот счастье, то что я не одинока сама с собой, у меня вот этого ... пустоты внутренней что ли нет. И когда я остаюсь одна, там в квартире... *я не боюсь быть одна*. ...Мне не скучно, мне не сложно, мне не хочется куда-то убежать... вот это вот для меня очень хороший такой момент, счастливый, что *мне комфортно с самой собой*. ...*Я могу сама с собой разделить это, это чувство*. И мне от этого хорошо». «...А сейчас мне не страшно... Я раньше ложилась и говорила, скорей бы наступило завтра, потому что не хотела находиться в сегодняшнем дне, вот, а сейчас мне не надо, чтоб наступало завтра... мне и сегодня со всем этим ну... абсолютно нормально и комфортно. ... Независимо ни от кого, кто бы рядом со мной ни находился, чтобы рядом со мной там не знаю ... апокалипсис там, или что-то такое ... *я сама и я целое*. У меня не оторвано ничего».

Таким образом, в третьей части интервью, отвечая на вопрос экспериментатора, нарратор выстраивает по ходу рассказа цепочку ассоциаций, связанных с самопониманием собственного счастья: «боль», «жить», «квартира», «общение», «быть собой», «деньги», «свобода выбора», «я сама и я целое».

В целом анализ представленного интервью позволяет говорить о том, что нарратор переживает кризис идентичности, в том числе в контексте идентификации себя как счастливого человека. Содержание текста интервью, его стилистическое и грамматическое построение передают состояние тревоги, растерянности и активного поиска своего Я. В самом начале и в завершении интервью нарратор передает свое понимание счастья через ощущение боли. Счастье и несчастье в ее самопонимании находятся рядом. Легкость и радость как состояние счастья связаны в памяти нарратора с моментом рождения дочери, которые переживались рассказчиком как момент настоящего, то что назы-

вается «здесь и сейчас», когда не тяготит прошлое и не тревожит будущее. И это обозначается нарратором как момент полного счастья. Счастье – это миг, это момент безудержной радости. Размышляя о своем дальнейшем пути к счастью, нарратор говорит о себе как субъекте счастья, который проявляет внутреннюю активность, направленную на саморазвитие. Об этом свидетельствуют грамматические конструкции, использованные респондентом в третьей части интервью: «я могу», «я могу сама» (повторяется многократно), «я учусь», «я начала», «я сама, я целое».

Таким образом, посредством создания рассказа о кризисных событиях своей жизни нарратор конструирует личностный смысл собственного бытия и самопонимания себя счастливой. В ходе нарративного интервью отчетливо прослеживается динамика самопонимания счастья от стремления быть заметной, быть выше всех, быть независимой, иметь много денег, чтобы чувствовать себя уверенной, к умозаключению, что счастье – это быть собой, иметь свободу выбора, жить в гармонии с собой.

Размышляя о роли денег в достижении счастья, нарратор утверждает, что ей нужно много денег для того, чтобы чувствовать себя уверенной. При этом респондент не работает и находится на содержании родителей. Продолжая монолог о деньгах, респондент перекладывает ответственность за свою финансовую несостоятельность на обстоятельства: «у меня не было задачи себя найти в чем-то. Я не знала, что это. ... у меня задач никаких не было в жизни. У меня были родители, папа финансово, мама прокладывает путь...». Ключевое слово в рассуждении о деньгах – «тупик». Однако выхода из тупика, судя по содержанию интервью, респондент пока не видит. Говоря, что счастье – «я сама, я целое», «счастье – свобода выбора», нарратор не доходит до понимания, что свобода выбора предполагает ответственность за себя, свою финансовую независимость и в целом за свое счастье. По мнению экспертов, представленный анализ нарративного интервью респондента позволяет уточнить ее идентичность как «я красивая, активная женщина, преодолевающая последствия материнской депривации на пути к себе счастливой».

Заключение

Результаты интервью и ассоциативного эксперимента, полученные авторами статьи в ходе эмпирического исследования, позволяют утверждать, что материальное благополучие не играет существенной роли как в переживаниях состояния счастья, так и в самопонимании человека себя счастливым.

Список источников

1. Гришина Н.В. Психологическое благополучие в экзистенциальном понимании: эмпирические особенности // Психологические исследования. 2016. № 9(48). URL: <http://psystudy>.
2. Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ. Санкт-Петербург : Речь, 2002.

3. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Санкт-Петербург : Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1997. 568 с.

4. Richard A. Easterlin Income and Happiness: Towards a Unified Theory // The Economic Journal. 2001. Vol. 111, № 473. P. 465–484.

References

1. Grishina N.V. Psychological well-being in the existential sense: empirical features // Psychological research. 2016. No. 9 (48). URL: <http://psystudy>. (in Russ.).

2. Maddy S. Theories of personality: a comparative analysis. Saint Petersburg : Rech, 2002. (in Russ.).

3. Mamardashvili M.K. Psychological topology of the path. Saint Petersburg : Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute, 1997. 568 s. (in Russ.).

4. Richard A. Easterlin Income and Happiness: Towards a Unified Theory // The Economic Journal. 2001. Vol. 111, no. 473. P. 465–484.

Информация об авторах

К.И. Воробьева – доктор психологических наук, профессор;

И.Ю. Изотова – аспирант.

Information about the authors

K.I. Vorobeva – Doctor of Science (Psychology), Professor;

I.Yu. Izotova – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 27.08.2021; одобрена после рецензирования 10.09.2021; принята к публикации 01.10.2021.
The article was submitted 27.08.2021; approved after reviewing 10.09.2021; accepted for publication 01.10.2021.